

Александра МАРИНИНА:

Книга — товар

Известия. — 2001. — 27 авг. — с. 7

скоропортящийся

Александра Маринина, самая известная российская сочинительница детективов, написала новый роман, в котором вдруг не оказалось Каменской. Это «вдруг» — только для преданных читателей Марининой, которые ждут от нее Каменскую и только Каменскую, как читатели Конан Дойла закидывали помидорами любую его попытку избежать Шерлока Холмса. Для издательства «ЭКСМО», издавшего двухтомную семейную сагу «Тот, кто знает», и для самой Марининой такой ход, напротив, выглядит крайне логич-

ным. Сделать паузу. Показать «новые грани таланта». Сделать рынку неожиданное предложение, от которого тот по понятным причинам не сумеет отказаться: суммарный тираж предыдущих книг Марининой составил 26 миллионов. В этой ситуации даже не важно, что вместо саги по сути получился готовый сценарий для очередного сериала «по мотивам Марининой». Обозреватель «Известий» Анна КОВАЛЕВА расспросила писательницу о том, что заставило написать ее этот роман.

состоялась, стала успешным режиссером, публицистом... Не ответ ли это журналистам, не признающим Маринину как писателя?

— Во все нет. Меня, честно говоря, мало интересует то, что обо мне пишут журналисты. Кому-то мои книги нравятся, кому-то нет, это дело вкуса. Но у меня есть две огромные папки. Одна — со статьями журналистов, которые меня пинают, клеймят, поливают грязью. А другая — с письмами читателей, в которых они говорят о том, что мои книги помогли им выйти из депрессии, удержали от суицида, помогли наладить жизнь. Так неужели же после этих писем я буду обращать внимание на то, что пишут журналисты?

— Сейчас в детективном жанре работает гораздо больше людей, чем в то время, когда вы начинали. Вы чувствуете конкуренцию?

— В нашем деле конкуренции нет и не может быть. Книга, говоря грубыми экономическими терминами, не относится к товару длительного пользования. Это холодильник мы покупаем на десять лет вперед, а книга читается день, два, три, максимум — неделю, а дальше мы идем в магазин за следующей. Вот если бы были писатели, выпускающие по книге в неделю, тогда можно было бы говорить о конкуренции, ведь никто не успевал бы читать что-нибудь другое. А поскольку следующую книгу каждого автора приходится ждать по полгода, так и хорошо, что таких книг много. Чем больше, тем лучше.

— Из всех детективщиков такого же успеха, что и вы, достиг только Акунин. Как вы оцениваете феномен под названием Акунин?

— Я принципиально не обсуждаю ни творческие успехи, ни личности людей, с которыми незнакома. Что же касается того, чего он достиг, об этом можно судить только по тиражам. А пока его тиражи с моими равнялись невозможно.

— Экранизация ваших книг повлияла на ваше творчество?

— Нет. Более того, когда я села за следующую книгу уже после начала съемок, вдруг поняла, какие в моих книгах есть недостатки с точки зрения кино. Я подумала: «Они же не смогут снять эту сцену!»

— И?

— И тут же добавила: «Ну и черт с ним».

— Стилистическая пестрота ваших книг продолжает вызывать стойкие подозрения, что вы пишете не одна. Так ли это?

— Мне никто не помогает. Говорят, нормальный писатель не может писать столько, сколько пишу я. Действительно в 1995–1996 годах я писала по книге за полтора месяца. Теперь я пишу по книге в год. Просто никто не хочет задуматься над тем, что книги, которые сейчас лежат на прилавках, написаны не вчера, а за десять лет. Я беседовала с писателем Андреем Битовым, и он сказал, что ему, как профессионалу, смешно слышать подобные вещи. Читая мои книги, он убедился в том, что все книги написаны одной рукой. Я с ним в этом вопросе абсолютно согласна.

— Марина Анатольевна, чем объясняется переход от детективной прозы к семейной саге в психологических тонах?

— Ничем, кроме желания написать именно такую книгу.

— Может быть, вам надоело писать детективы?

— Нет, конечно. Когда человек ест шоколад день, два, неделю, естественно, ему хочется перейти на бутерброды. На время. Шоколад он любить не перестает.

— Когда выйдет следующая Каменская?

— Она уже написана. Так что вопрос, скорее, к издательству, а не ко мне. На следующей неделе выходит «Тот, кто знает», может быть, месяца через три-четыре выйдет Каменская. Кстати, в действии будут принимать участие и герои «Того, кто знает». На съемках сериала Наталья Воронова, одной из главных героинь романа «Тот, кто знает», происходит убийство и исчезает жена второго главного героя.

— Почему вы выбрали именно этот период советской истории — с 1965 года по настоящее время?

— Наталья Воронова — практически моя ровесница. Она всего лишь на два года старше. Я описывала то время, которое помню. В 1965 году мне было восемь лет, и с этого момента я помню все совершенно отчетливо. Я тогда, так же как и мои герои, жила в коммуналке, только не в Москве, а в Питере. Так что все детали такой жизни знаю досконально. Я отчетливо помню все, что тогда шло в кинотеатрах, что писали в газетах, что сколько стоило, вплоть до копеек.

— Вы очень четко уловили нынешние ностальгические устремления многих россиян к застойной идиллии и их негативное восприятие того, что происходит со страной в последние десять лет.

— Я не очень хорошо представляю, какие у нашего народа сейчас устремления. Об этом могут судить только социологи, регулярно проводящие массовые опросы.

— Это ваши эмоции?

— Это не моя ностальгия. Я ни за что не вернусь ни в свою юность, ни в свое детство. Даже под угрозой расстрела. Я человек достаточно здравый и с безумным раздражением воспринимаю все, что противоречит исторической корректности. Люди жили в тех условиях, которые им были предоставлены, то есть в рамках идеологии, которую им внушали с детского сада. Работа пропаганды была организована по всем правилам искусства, и рассчитана она была на людей с нормальной психикой. Разумеется, она очень эффективно действовала. Так какое же мы сегодня имеем пра-

во обвинять людей того времени за то, что они поддались этой пропаганде? Это то же самое, что поставить человека перед ядерным реактором, а потом осуждать его за то, что он заболел раком, а не стал красивым, жизнерадостным чемпионом мира по теннису. Поэтому Бэлла Львовна (один из персонажей романа «Тот, кто знает». — А.К.) держала при себе свои

они взваливают свои обязанности, тоже имеют право негодовать.

— Работая над книгой, вы использовали только свои воспоминания или работали с источниками?

— Ох, это только чукча — писатель, а не читатель. Я же умею буквы складывать не только для письменной работы, но и для чтения. Я не чукча, я



ВИКТОР ГОРЯЧЕВ

критические замечания и объясняла Наташе Вороновой, что если она не будет адаптирована к ситуации, идеологии, ее жизнь в этой стране не сложится. Фактически ее жизнь была запрограммирована нашей идеологией, и только в сорок лет Наташа поймет, какой же душой она была, и почувствует себя виноватой. Я хочу сказать, что никто не виноват, что его вынудили жить в таких условиях.

— Зато вы, кажется, осуждаете евреев за эмиграцию...

— Я вообще никого никогда не осуждаю. Во всех своих книгах я показываю то, что не бывает абсолютно белого и абсолютно черного. Так уж наша Вселенная устроена. Я просто хотела показать, что люди, стремящиеся к лучшей жизни, имеют на это право. Но те, на кого

еще и читатель. Я читаю всю свою жизнь, у меня огромная библиотека! Так что, разумеется, я работала и с газетными подшивками, и с мемуарной литературой.

— Можно ли говорить о том, что в этом романе есть автобиографические мотивы?

— Нет, ни в коем случае. Все мои герои мною же и сконструированы, обстоятельства их жизни — тоже. Просто я передаю атмосферу того времени такой, какой я ее видела и какой запомнила.

— И тем не менее при чтении создается впечатление, что временами вы говорите о себе. Например, в тех частях, где рассказываете о том, что вашу героиню не признавали как сценариста, упрекая в слабости сюжетов. А она тем не менее